

Мамина Дарья Александровна
Южнороссийский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dasha.mamina.96@mail.ru

**Диаспоры как этнический фактор современных международных отношений:
интегративная готовность российских эмигрантов**

Аннотация. В современном мире все больше возрастает роль диаспор в лоббировании интересов государства происхождения в стране пребывания. Такие крупные диаспоры, как китайская, армянская и еврейская уже на протяжении долгого времени являются одними из наиболее влиятельных диаспор, с развитой сетью общественных, политических и конфессиональных организаций в разных странах мира. Стоит отметить, что российская диаспора за рубежом, насчитывая более 20 млн человек, является одной из крупнейших в мире. В данной статье автор рассматривает интегративную готовность российских мигрантов, на примере русской диаспоры в США и Израиле.

Ключевые слова: эмиграция; русская диаспора; «мягкая» сила; интегративная готовность эмигрантов

Mamina Darya Alexandrovna
South-Russian branch of the
Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation
dasha.mamina.96@mail.ru

**Diasporas as an ethnic factor in modern international relations: integrative
willingness of russian emigrants**

Abstract. In the modern world, the role of diasporas in lobbying the interests of the state of origin in the host states is growing. In world, the role of diasporas in lobbying the interests of the state of origin in the host countries is increasing. Large diasporas such as the Chinese, Armenian and Jewish have long been among the most influential diasporas, with a developed network of public, political and religious organizations in various countries of the world. It is worth noting that the Russian diaspora abroad, numbering more than 20 million people, is one of the largest in the world. In this article, the author considers the integrative willingness of Russian emigrants, using the example of the Russian diaspora in the USA and Israel.

Keywords: emigration; Russian diaspora; "soft" power; integrative willingness of emigrants

Введение

Проблема внешней миграции приобретает в российском обществе характер не только внешней, но и внутренней безопасности, так как становится ясным, что

миграционные потоки, исходящие из России, требуют осмысления в контексте внутренней и внешней политики. Признание этого обстоятельства означает, что для российского общества и государства граждане, покидающие страну по различным, а не только социально-экономическим факторам, являются и источником рискогенности, связанной с социально-демографическими и социально-экономическими проблемами, но и потенциалом «мягкой» силы. Известно, что в современном глобальном мире диаспоры являются социально – этническими и этнополитическими образованиями, влияющими на межгосударственные и международные отношения. Классический пример представляют китайская, индийская и еврейская диаспоры, которые в силу культурно – исторических и политических связей с родиной вносят значимый вклад в поддержание стабильности и развитие отношений между государствами происхождения и обществами пребывания.

В мире, по приблизительным оценкам, насчитывается более 20 млн российских мигрантов, Россия занимает после США и Германии 3 место по миграционной привлекательности, но Россия также является одним из лидеров по внешней миграции. Следует признать, что в российском обществе осознаются последствия потерь от отъезда, в основном, молодых высококвалифицированных людей, но вместе с тем подход к обозначенной проблеме нельзя назвать оптимальным. Ссылаясь на достаточно спорную аргументацию о праве личности на свободу перемещения и на то, что внешняя миграция принципиально не изменяет характер текущих социально – экономических и социально – политических процессов, политика по работе с бывшими соотечественниками ведется слабо и конъюнктурно.

До сих пор ответственность за данное направление возлагается на МИД, не создана инфраструктура организаций, которые направляли бы усилия на постоянное регулярное взаимодействие с российской диаспорой за рубежом. Некоторые исследователи ставят под сомнение существование россиян за пределами России на уровне диаспоры, так как отмечают не только низкий уровень сплоченности, вовлеченности в деятельность общественных организаций данного типа, но и ориентированность на интеграцию в принимающее сообщество, готовность «перечеркнуть» прошлое, разорвать связи с Россией и стать патриотами «новой родины».

Для поставленной цели исследования заслуживает внимания социально – диспозиционный метод, содержащий три группы независимых переменных в полном объеме, а для нашего исследования определение критериев объективных возможностей (моделей интеграционной политики принимающего общества) и субъективно осознанной предрасположенности к интеграции в принимающее сообщество [Саморегуляция и прогнозирование..., 2013: 56].

Интегративная готовность и положение русской диаспоры в Израиле и США

Действительно ли бывшие соотечественники практически поголовно мечтают о переходе в состояние полной интегрированности в принимающем обществе? Обычно приводят пример Израиля, где «россияне» поддерживают ультраправые партии, демонстрируют крайний нигилизм по отношению к «либеральной» политике с арабскими государствами и арабским меньшинством в Израиле, используют русский язык и не забывают подчеркнуть знакомство с русской культурой, но при этом относятся к России более настороженно и прохладно, по сравнению с «коренными» израильтянами – «сабра». Второе поколение российской миграции стремится и становится «стопроцентными» израильтянами.

Но и в этом случае следует оценивать уровень интегративной готовности не только по показателям патриотизма и успешности, но и по степени социально- психологического комфорта, отсутствия дискриминации и изоляционизма, перспективы социального роста. Обнаруживается, что российские мигранты не являются конкурентным, нацеленным на лидерские позиции в израильском обществе формированием, хотя интересы российских мигрантов представлены партией «Наш Дом», нельзя утверждать, что действует принцип единогласия со стороны мигрантов этого партийно-политического объединения и, с другой стороны, карьерные стратегии не основываются на поддержке и активном участии в политической жизни.

Скорее речь идет о политической апатии, политическом сервизме и не только желании стать патриотами Израиля. В равной степени есть стремление избавиться от ярлыка «колбасной миграции» [Эпштейн, 2015], не давать повода израильским ультрапатриотам и ультраконсерваторам подозревать в существовании «пятой колонны» России. Есть основания считать, что в Израиле доминирует модель «безоговорочной» интеграции, связанная с историческими и политическими обстоятельствами возникновения еврейского государства и закреплением в Конституции страны статьи о «еврейском характере» государства.

Если же рассматривать модели национальной интеграции в США и Германии как лидерах среди принимающих сообществ, создается несколько иная картина, которая отличается по сравнению с Израилем не только в частностях, но и по общим параметрам. Как подчеркивает российский ученый А. В. Лубский, официальным девизом американской политики является приверженность американцев не зависимо от этнического происхождения к системе гражданских ценностей американской гражданской религии [Национальная политика в..., 2016: 179]. Для реализации поставленной цели исследования актуально сравнивать миграционные установки россиян с критериями интегративности, принятыми в американском обществе.

Как известно, США отказались в 60-е – 70-е годы 20 века от концепции «плавильного тигля» и в практике постепенно, но неуклонно внедрялась идея мультикультурализма, равенства и разнообразия этнических культур в повседневной

жизни при доминировании американских ценностей на политическом уровне. Популярный в конце 20 века в американском обществе С. Хантингтон в работе «Кто мы?» риторически вопрошал об изменениях в американской политике, культуре, идентичности, его беспокойство основывалось на том, что мигранты, кардинально изменяющие американскую действительность, склонны не разделять американские ценности, не являются ревностными поборниками американской гражданской религии, формируют этнические анклавов на территории США.

Согласно его позиции, новые волны миграции, имеющие в основном, латиноамериканское и азиатское направления, движимы целями, не совпадающими с официальной политикой, настроены на экономическую мотивацию и этнокультурную изоляцию [Хантингтон, 2004: 296–297]. Причина видится не только в традиционализме новых мигрантов, но и в том, что США потеряла «стержневую» культуру, что мигранты попадают в сложное положение, испытывая прессинг ультранационалистов, но при этом не видят в абстрактных гражданских ценностях «якорь» для интеграции в американское общество.

Российские мигранты приблизительно 2 млн человек, по сравнению, с другими этническими группами «рассеяны» по территории США и в этом смысле не являются предметом озабоченности по поводу создания замкнутых этнических анклавов, клановых сообществ, управляемых «этническими» элитами и насаждаемыми альтернативными гражданскими ценностями традициями и обычаями, перенесенными чаще всего, из исторической родины на уровне земляческих, сословных разделений. Интеграционная готовность российских мигрантов по негативным критериям может быть принята как высокая, свободная от рисков анклавизации и традиционализации.

Для объективных результатов актуально обратиться к эмиграционным настроениям молодых россиян, 53 % заявивших о готовности к миграции, движущими мотивами являются желание обеспечить достойное будущее детям и недовольство социально – экономической и политической ситуацией в российском обществе. Среди потенциальных мигрантов 39 % изъявляют желание активно участвовать в общественной и политической жизни страны, что наталкивает на мысль о демонстрации большей степени социального и политического активизма по сравнению с не разделяющими миграционные установки россиянами. Однако, очевидно доминирование экономической мотивации, которая отличается от приведенных С. Хантингтоном фактов, но дает основание считать, что и в принимающем сообществе мигранты будут нацелены на индивидуальную траекторию интеграции, стремиться к социальному преуспеваю и не включаться в активную политическую жизнь [Более половины..., 2019].

Заключение

Интегративная готовность российских мигрантов может быть оценена как недостаточная для нормативной интеграционной модели принимающих сообществ по

схеме, предложенной А. В. Лубским, определяется проекцией для жизни в принимающем обществе индивидуалистической траекторией, содержащей абсентеизм по отношению к социальному и политическому участию и практическому одобрению формулы гражданского патриотизма. Вместе с тем для российских мигрантов не свойственна ностальгия по родине, как это изображается в российской классической литературе. Российские мигранты, в основном, выросли в постсоветский период и при демонстративной лояльности к государству, которое они переносят на будущую страну проживания, не готовы интегрироваться в принимающие общества, как «патриоты».

В таком отношении к интеграции есть определенный «минус» для актуализации фактора «мягкой» силы, влияния российского государства на основе лоббирования российских интересов во внутренней политике принимающих сообществ различными общественными группами российских мигрантов. Судя по результатам приведенного социологического исследования, потенциальные мигранты не испытывают патриотизма по отношению к России и, следовательно, речь идет о том, что не делая упор на разоблачительность в их отношении, не следует строить излишних иллюзий по поводу будущего их связей с родиной. Однако это не означает, что фактор «мягкой силы» не имеет значения, так как среди российских мигрантов действует активное меньшинство, и это проявляется в социальных сетях, а также массовости патриотических акций, связанных с исторической памятью, заслуживающее поддержки и взаимодействия в различных сферах общественной жизни.

Библиографический список

Более половины молодых россиян заявили о желании уехать за границу [Электронный ресурс] // Интерфакс. Туризм: [веб-сайт]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/64290/> (дата обращения: 17.05.2020).

Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. 422 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 635 с.

Эпштейн А. Д. Художник Оскар Рабин: запечатленная судьба / А. Д. Эпштейн. М., 2015. 189 с.